

ПОЗИТИВИЗМ, СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПСИХОЛОГО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА В РОССИИ

© 2014 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Краткая аннотация: в статье рассматривается история становления психологической социологии права в России. Особое внимание уделяется теоретико-методологическому взаимодействию позитивизма, социологии и психологии. Дается критический анализ познавательных возможностей социологии права, построенной на данных психологии.

Annotation: in the article discusses the history of the formation of psychological sociology of law in Russia. Special attention is paid to theoretical and methodological interaction of positivism, sociology and psychology. Give a critical analysis of the cognitive capabilities of the sociology of law, based on the data of psychology.

Ключевые слова: социология права, психологическая школа права, позитивизм, социология, психология, Л.И. Петражицкий, Г.Д. Гурвич, Н.М. Коркунов.

Key words: sociology of law, the psychological school of law, positivism, sociology, psychology, L.I. Petrazhitsky, G.D. Gurvich, N.M. Korkunov.

Психологическая трактовка государства и права встречается еще в глубокой древности. Антропоморфизм религиозно-мифологического сознания народов Древнего Востока, Древнего Рима и Древней Греции способствовал установлению связи между психологическими свойствами человека и политико-правовыми институтами. Мифологическая картина социального мира предполагала в том числе психологическую мотивацию поведения субъектов политической жизни. Эмоциональное состояние богов и героев греко-римской мифологии – важный фактор их социально значимого поведения. Для Платона и Аристотеля психология людей – компонент, заметно влияющий на форму государства.

Учение о душе, развиваемое христианскими ортодоксами средневековой Европы, также могло иметь политический смысл: иерархическая пирамида властных отношений воспринималась как духовный, во многом психический феномен, освященный Богом. В интерпретации Августина Блаженного, например, греховность человеческой природы, греховные страсти людей становятся причиной появления государства и права. Государство и право, возникнув из греха, становятся средством борьбы с грехом. За христианской догматикой скрывалось вполне реалистическое понимание социального мира: эмоциональная стихия (зачастую разрушительная)

может решающим образом определять политико-правовые институты.

В эпоху Возрождения и Новое время общественная наука, освобождаясь от влияния религии и церкви, начинает рассматривать государство и право как явления, возникающие и функционирующие по своим собственным законам. Концепции естественного состояния, естественного права и общественного договора, приобретшие в это время большую популярность, ставили в центр социально-политических отношений естественного человека. В учениях Гоббса, Спинозы, Локка, Руссо человек социализированный, встроенный в нишу общества (отчасти полуфеодального, отчасти полубуржуазного), противопоставлялся человеку естественному, стремящемуся жить по законам природы. Такой антропологический дуализм как бы раздваивал мир политики и права на официальную (легализованную со стороны общественного мнения) и природную части, указывая на их взаимное влияние. Природные качества человека (включая психологические свойства личности) рассматривались как первичные по отношению к политико-правовым институтам (например, “Левиафан” Гоббса).

В XIX в. происходит качественный скачок в становлении социальных наук и психологии, они институционализируются, идут по пути одновременной дифференциации и интеграции. Психология хотя и продолжала развиваться в рамках самых разных философских школ, более всего тяготела к естествознанию как своей главной

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

методологической основе. Психологическая наука, опираясь на данные химии, физики, биологии, физиологии, антропологии, быстро завоевывала популярность, ее результатами стремились воспользоваться философы, историки, юристы, литературоведы и т.д. Социология – наука, возникшая на стыке других общественных и естественных наук, на межнаучном пограничье. Ее создавали специалисты различных отраслей науки, идя к ней от своей отрасли и используя отраслевые знания, постоянно расширяя предмет социологической науки. Философы, историки, географы, этнографы, антропологи, биологи и, конечно, психологи, формируя социологическое знание, активно использовали данные психологии. Постепенно психология прочно входит в состав социологии, становится одновременно ее предметом и методом.

Позитивистская философия, нацеленная на объединение естественнонаучного знания и обществоведения, стимулировала соединение социологии и психологии. Основатель позитивизма О. Конт не включал психологию в свою классификацию наук на том основании, что данная наука, основанная на интроспективном методе (господствующий в XIX в. метод самонаблюдения), страдает, как он полагал, метафизикой и потому лишена научной ценности. Вместе с тем, как верно заметил А.С. Лаппо-Данилевский, “отрицательное отношение Конта к психологии не помешало ему широко воспользоваться ее данными для объяснения явлений социальной жизни”². Так или иначе, но во второй половине XIX – начале XX вв. психологическое направление – одно из крупнейших в социологии Запада (Г. Тард, В. Вундт, Л. Уорд, Ф. Гиддингс, Э. Росс, Г. Лебон, Л. Леви-Брюль и др.). Трудно назвать социально-политического мыслителя и тем более социолога, который не использовал бы данные психологии. Помимо позитивизма (для того времени – главная методологическая база психологии) психологическая наука играла немалую роль в социологии марксизма (К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Каутский), кантианства (Г. Зиммель, М. Вебер, В. Зомбарт), социал-дарвинизма (Л. Гумплович). У большинства из названных авторов рассмотрение государства и права с психологических позиций лишь имело место (в большей или меньшей степени), специализированные же социолого-правовые исследования на основе психологии проводили

Л. Кнапп, Р. Бирлинг, Э. Цительман, Р. Леннинг и другие правоведы конца XIX в.³

В России общая картина была примерно такая же, как на Западе: происходило бурное развитие позитивизма, психологии и социологии. Философия позитивизма, социология и психология взаимно дополняли и стимулировали развитие друг друга. Такое положение дел выразилось в том, что одни и те же авторы были и философами, и социологами, и психологами. Появление огромного вала литературы (переводной и оригинальной) по позитивистской философии и социологии стимулировало психологическую мысль, формировало соответствующую научную среду. По инициативе психолога и философа М.М. Троицкого в 1885 г. было создано Московское психологическое общество при Московском университете. Общество развернуло широкую издательскую деятельность, частью которой явилось основание философом и психологом Н.Я. Гротом журнала “Вопросы философии и психологии”. В 90-е годы в разных городах России создаются психологические лаборатории (в основном в психиатрических клиниках). В 1912 г. философ и психолог Г.И. Челпанов основал первый в России Психологический институт при Московском университете, на базе которого развернулись широкие научные исследования, и осуществлялась подготовка кадров профессиональных психологов⁴.

Психологическое направление в русской социологической и социолого-правовой мысли было одним из самых крупных, и стало оно таковым в силу своего междисциплинарного характера. Психологизм в большей или меньшей мере был присущ огромному числу авторов, так или иначе затрагивавших социолого-правовую проблематику. Это – позитивисты (или тяготевшие к позитивизму) П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, В.В. Лесевич, В.П. Воронцов, Н.И. Кареев, И.И. Каблиц, П.Ф. Лилиенфельд, К.М. Тахтарев, М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, Г.К. Гинс и др.; марксисты Г.В. Плеханов, М.А. Рейснер; кантианцы П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов; феноменолог Н.Н. Алексеев. Наибольший вклад в разработку психологической социологии права внесли юристы Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, М.А. Рейснер, Г.К. Гинс.

³ См.: Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 193, 194.

⁴ См.: Ждан А.Н. Психологическая мысль // Русская философия. Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 2007. С. 450–454.

² Лаппо-Данилевский А.С. Психические факторы общественной жизни в социологии Конта // Социология в России XIX – начала XX веков. М., 1997. С. 96, 97.

Одна из центральных тем психологической социологии права в России – соотношение социологии и психологии. Изначально и на Западе, и у нас со стороны социологов были поставлены вопросы: является ли психология строгой наукой; может ли социолог в своих исследованиях опираться на данные психологии и если может, то в какой мере; можно ли считать социологию, построенную на основе психологии, вполне научной? Ведь действительно, психология как наука во многом базируется на неких аксиомах, принимаемых не столько в результате объективного научного анализа, сколько на основе коллективного, веками прочно усвоенного обыденного опыта. Психологическая наука – это в значительной мере комплекс гипотез, которые исследователь стремится согласовать между собой, пытаясь проверять их эмпирическим материалом. Между психической жизнью индивида и социальных групп, с одной стороны, и их поведением, с другой – дистанция огромного размера. Механизм взаимодействия между психикой и поведением не имеет прямой связи, огромное число фактов, влияющих на поведение, скрыто от наблюдателя. Поэтому остается одно – домысливать, строить гипотезы, опираясь на очень опосредованный, малоинформативный эмпирический материал. Социологи с самого начала чувствовали данный изъян психологии и потому принимали ее всегда с большими или меньшими оговорками.

Показательный пример – подход М. Вебера и Э. Дюркгейма, для которых психология – лишь дополнительный инструмент в социологическом исследовании. С точки зрения первого, к пониманию общественных институтов следует идти не от анализа психологических свойств человека, а путем изучения институтов, их структуры и взаимосвязи элементов: “Только тогда психологический анализ может в определенном конкретном случае оказаться очень ценным, углубляя наше знание исторической культурной обусловленности и культурного значения общественных институтов”⁵. “Социальные факты, – поддерживает данную мысль Э. Дюркгейм, – не только качественно отличаются от фактов психических; у них другой субстрат, они развиваются в другой среде и зависят от других условий”⁶. Ни индивидуальную, ни даже массовую психологию нельзя свести к социальным институтам, представляю-

щим собой качественно иную реальность. Психология есть лишь бесформенное вещество, которое благодаря объективным социальным условиям способно обрести форму, структуру и стать институтом. От религиозного чувства, инстинкта власти и пола до становления соответствующих институтов церкви, государства и семьи лежит пропасть. Социологу следует “отказаться делать из психологии в некотором роде центр своих операций, пункт, из которого должны исходить и к которому должны возвращаться его отдельные вторжения в мир социальных явлений. Нужно, чтобы он проник в сокровенную глубь социальных фактов, наблюдал их прямо и без посредников” (т.е. без психологии)⁷.

Многие русские социологи демонстрировали другой подход. Во многом прав был Н.И. Кареев, когда сделал вывод о психологической направленности всей русской социологии. Подавляющее большинство русских социологов, утверждал он, изучая общество, государство и право, стремилось опуститься на микроуровень и там найти объяснение социальных институтов и процессов. Признание важной роли личности, психической основы общественных явлений и субъективное отношение к ним – вот, на его взгляд, главные черты русской социологии⁸. Однако при всей своей популярности психология понималась по-разному, что зачастую вносило путаницу в исходные методологические позиции, мешало адекватно воспринимать взгляды друг друга. Социологи примерно совпадали во мнении, что психология изучает некий единый комплекс, состоящий из сознания, эмоционально-волевых установок и физиологических реакций, но каждый из них, подстраивая психологию под свою концепцию, выдвигал на первое место либо сознание, либо эмоции, либо физиологические реакции. Так, П.Л. Лавров, исходя из своей позиции максимального сближения естествознания и обществоведения, считал психологию частью антропологии, которая, в свою очередь, входила в зоологию⁹. Н.М. Коркунов и Б.А. Кистяковский, говоря о психических процессах, как правило, понимали под ними сознание, Л.И. Петражицкий – эмоции. П.А. Сорокин предлагал разбить понятие психики на психофизику (часть биологии: физиологические акты, бессознательные

⁵ Вебер М. “Объективность” социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 388.

⁶ Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 399.

⁷ См.: там же. С. 500.

⁸ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 2008. С. 18.

⁹ См.: Лавров П.Л. Избр. произв. В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 467, 474.

переживания, простейшие эмоции) и психологию (осознаваемые процессы)¹⁰. В.М. Хвостов расширял психологию до крайне абстрактной и безмерной категории духовности¹¹.

Стремясь доказать психическую природу общества, государства и права, русские социологи, как правило, указывали на личность как первоисточник психических переживаний. «Личность, — утверждает Н.И. Кареев, — есть единственное реальное существо, с которым имеет дело социология. Народы или отдельные классы одного и того же народа суть собирательные единицы, состоящие из отдельных личностей. Лишь последние мыслят, чувствуют, желают, стремятся и действуют... Все, что мы относим к понятиям духовной культуры или социальной организации, существует только в личностях и чрез личности»¹². «Общество, — подчеркивал он, — не организм, а система разного рода психических действий, воздействий и взаимодействий, происходящих между отдельными индивидуумами»¹³. Только изучив эти простейшие отношения, убеждал Н.И. Кареев, можно переходить к анализу более сложных институтов (например, государства и права).

П.А. Сорокин, также понимая под социальным явлением психическую связь между индивидами, пытается (на основе идей Л.И. Петражицкого) установить механизм данного взаимодействия. Любое социальное явление, развивает он свою мысль, может быть разложено на два элемента: психическое переживание и его объективированный, материализованный символ. Любая социальная группа предполагает психическое взаимодействие, а значит, и набор символов, им соответствующих. Члены организации вступают в связь между собой не непосредственно, а путем опознавания символов. Например, государство как эмпирическая организация, право как совокупность внешне выраженных источников существуют потому, что им предшествуют соответствующие психические переживания. Люди воспринимают себя в качестве граждан одной страны потому, что есть овеществленные признаки государственно-правовой жизни (глава государства, чиновничество, армия, полиция, законы и т.п.), рожденные их эмоциональным состоянием. Поэтому, чтобы понять поведение больших

и малых социальных групп (народа, государства, партии), необходимо совершить редукцию от символа к психическому переживанию, установив между ними каузальную связь¹⁴.

Казалось бы, признание русскими социологами психической природы социальных институтов должно было заставить их отказаться от поиска закономерностей, так как воля, эмоции, бессознательное — вещи глубоко иррациональные, искать здесь закономерность было бы бесполезно. Но они, напротив, восприняли психологию в качестве дополнительного инструмента в качестве поиска разного рода повторяемости и зависимости в мире политико-правовых явлений. «Чтобы сделаться наукой о закономерном развитии человечества, — отмечает М.М. Ковалевский, — социологии долгое время недоставало и того знакомства с психофизической природой человека, которая одна способна объяснить нам и естественный импульс к самоусовершенствованию, и границы этого последнего»¹⁵. Ценность психологии, рассуждает он, состоит в ее способности установить неразложимое ядро человеческой природы и основанные на ней пределы эволюции политико-правовых институтов. Если эти пределы будут выявлены, то социология получит гораздо более ясное представление о потенциале созидательных и разрушительных свойств человеческого поведения. Ведь присущий человеческой природе конфликт эгоизма и альтруизма может быть, по логике М.М. Ковалевского, разрешен в пользу того или другого начала, что направит развитие государства и права по пути либо ужесточения, либо гуманизации.

По Н.М. Коркунову, психология позволяет установить закон наследственности, в соответствии с которым ценности, нормы и институты передаются из поколения в поколение, обеспечиваются преемственностью и постоянством в развитии общества, государства и права. Закон наследственности проявляется в том, что в основе исторического существования народа и его государственности лежит социальный идеал, т.е. некий идеальный каркас, определяющий прошлое, настоящее и будущее народа и устанавливающий рамки его политико-правового развития¹⁶.

¹⁰ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 38, 39.

¹¹ См.: Хвостов В.М. Социология: исторический очерк учений об обществе. М., 2011. С. 10.

¹² Кареев Н.И. Указ. соч. С. 149.

¹³ Там же. С. 377.

¹⁴ См.: Сорокин П.А. Указ. соч. С. 39–46, 50–52.

¹⁵ Ковалевский М.М. Очерк истории развития социологических учений // Ковалевский М.М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб., 2011. С. 180.

¹⁶ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 261, 262.

Более сложную картину проявления психической закономерности рисует П.А. Сорокин, отстаивая своеобразный каузальный дуализм. Чистая, “в себе самой данная” психика, утверждает он, не связанная с социальной жизнью, имеет собственные законы. Но, переходя в объективированные формы и становясь материализованными символами, она начинает подчиняться законам материального мира, прежде всего биологическим и физико-химическим. Соответственно, между законами чистой психики и законами, рожденными ею символических форм, возникает дистанция, они расходятся. Социолог, чтобы выявить закономерности социальной жизни, должен обращаться не к чистой психике, а к ее символам, вполне доступным объективному анализу¹⁷. Иными словами, если исследователь хочет понять закономерности развития и функционирования государства и права с использованием данных психологии, он вынужден обращаться к эмпирическим фактам государственно-правовой жизни. Здесь закономерности психической жизни проявляют себя не непосредственно, а опосредованно, через действие политико-правовых форм.

Решение вопроса о психической природе общества, государства и права предопределяло соотношение психологии и социологии. Поскольку русские социологи психологического направления считали психические процессы эпицентром социальной, политико-правовой жизни, то психология для них – либо часть социологии, либо ее основа. В этом отношении показательна позиция К.Д. Кавелина (одного из тех, кто, по словам Н.С. Тимашева, предвосхитил теорию Л.И. Петражицкого¹⁸): психическая жизнь – ядро жизни социальной, но изучать ее следует, базируясь на объективных фактах культуры. Социология здесь играет инструментальную, подготовительную роль (отбирает и исследует материал) для изучения психических процессов.

Примерно такой же подход разделяет и П.А. Сорокин: “Поскольку по определению социокультурные или надорганические явления являются ментальными по своей природе, разница между психологическими и социологическими исследованиями является относительной. Когда исследователь берет психологические факторы, например инстинкты, желания, идеи, эмоции или реликты, и использует их в качестве переменных для интерпретации социальных фактов и процессов, то его исследование подпадает под область

психологии. Когда же он берет социальные факторы, скажем, структуру общества или культуру и через них пытается объяснить определенные ментальные черты и феномены, то его исследование попадает в область социологии. Однако эта граница представляется весьма неопределенной, о чем свидетельствует социальная психология, которая является наукой одновременно столь же психологической, сколь и социологической”¹⁹.

Несмотря на констатацию почти совпадения социологии и психологии, их пересечения по предмету, русские авторы пытались, тем не менее, провести между ними границу. Во-первых, подавляющее большинство из них считали частью социологии именно социальную психологию, но не индивидуальную. Между социологией и индивидуальной психологией находились, конечно, точки пересечения, но в целом они признавались разными отраслями знания. Во-вторых, различие между социологией и психологией проводилось как между формой, так и содержанием. Так, социология, согласно Н.И. Карееву, должна изучать общество в двух отношениях: его структуру и его душевное состояние. “Субъективный (ментальный) характер духовной культуры, – объясняет он, – и объективный социального строя и позволяют отнести первую к области социальной психологии, второй – к области собственно социологии, если только из той и другой не сделать две части социологии как изучения социальных продуктов психического взаимодействия, оставив за социальной психологией только самые процессы взаимодействия”²⁰. Содержание (психология) социокультурных форм всегда индивидуально, неповторимо, структура общества, государства и права и их функционирование, напротив, отличаются повторяемостью.

Признавая относительный характер границ между социологией и психологией, П.А. Сорокин, тем не менее, призывает освободить социологию от излишнего психологизма, а значит, и субъективизма. С этой целью он предлагает опираться только на психологию, ставшей объективной наукой о поведении человека, т.е. ставшей рефлексологией или физиологией нервной системы²¹. В этом случае социальная психология, приобретая более объективный характер, сближается с социологией, а индивидуальная психология, напротив, обособляется.

¹⁷ См.: Сорокин П.А. Указ. соч. С. 46, 47.

¹⁸ См.: Тимашев Н.С. Предисловие // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избр. тр. СПб., 2010. С. 913.

¹⁹ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 183.

²⁰ Кареев Н.И. Общие основы социологии. М., 2010. С. 20.

²¹ См.: Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008. С. 20.

Пример радикального объединения социологии и психологии демонстрирует Л.И. Петражицкий, который с самого начала своей творческой деятельности объявил о необходимости создать новую психологическую науку – политику права. Пренебрежительно высказываясь о современных ему догматической юриспруденции (не способна понять существо права), социологии (“музей научной патологии”, набор конкурирующих теорий, выпячивающих в качестве фундамента социальной жизни какой-то один фактор) и психологии (“хромая наука”, т.е. зауживающая свой предмет), он поставил перед собой цель – создать эмоциональную социологию, где юриспруденция, социология и психология, радикально переработанные, объединят свои лучшие познавательные качества. Ее главный предмет – психологические переживания, ведущий метод – интроспекция (самонаблюдение психических актов). Объективные формы права и государства (нормативные факты) – подсобный материал для установления главного – правовых переживаний. Понятно, что психология здесь не просто объединяется с социологией и юриспруденцией, а полностью их поглощает. На выходе – почти солипсизм, местами переходящий в фантасмагорию.

Рассмотрение власти, государства и права с психолого-социологической точки зрения сыграло весьма позитивную роль в демифологизации и демистификации данных институтов, лишении их ореола святости, в становлении трезвого, собственно научного взгляда на них. Во все времена (включая настоящую эпоху) одна из важнейших задач политического класса – придать политико-правовым институтам значение огромной ценности, связать их роль с высочайшими запросами человеческого духа и исторической судьбой народа. И это, конечно, абсолютно верная постановка вопроса, так как историческая судьба народа, его чувство собственного достоинства, его высшие духовные ценности действительно накрепко связаны с национальным государством и правом. Утрата государственности всегда воспринималась народом как величайшая национальная трагедия (стоит только вспомнить, например, древнерусский эпос, отразивший монгольское нашествие). Идеология патриотизма, воспевающая национальную государственность как высочайшую ценность, действительно направлена на формирование в личности высоких духовных качеств.

Вместе с тем человек и общество – биологические организмы, государство и право – часть природы, на которую распространяются ее законы.

Вот эту природную составляющую и попыталась показать психологическая социология права (более или менее удачно). Взгляд на власть, государство и право как на совокупность психологических реакций и механизмов объективно снижал их культурную ценность. Если, например, для Гегеля право и государство были проявлением свободы, мирового разума, торжеством высокого человеческого духа, то с точки зрения психологической государство и право – всего лишь следствие стереотипов и рефлексов человеческой психики. Психолого-социологическая трактовка предполагала, что право и государство были не столько элементами культуры, сколько природными явлениями. Поведение человека в области политики и права определялось не столько априорными нравственными и религиозными императивами, сколько психологическими стереотипами, сложившимися в эпоху первобытного человеческого стада. Многие русские социологи считали, что, поскольку даже так называемый цивилизованный человек – стадное существо, он воспроизводит первобытные стереотипы поведения в условиях современного государства и права. В свою очередь, современные политико-правовые институты, неразрывно связанные с первобытной архаикой и основанные на ней, всячески ее стимулировали и многократно усиливали. Импералистические государства Запада и Россия рубежа XIX–XX вв. не могли возвращать свою военную мощь, не апеллируя в конечном счете к древним инстинктам. Таким образом, психологическая социология права, выводя на первый план психолого-биологические аспекты жизни человека в сфере политики и права, если не игнорировала полностью его рациональные качества, то весьма сильно их принижала.

Исходной точкой психолого-социологической теории стало признание государства и права фактом жизни, эмпирическими явлениями во всей их природной необходимости. В рамках позитивистской традиции государство и право сводились к эмпирическим проявлениям, которые и следовало изучать. Сущность данных институтов была отнесена к метафизике, предмет исследования – функциональные связи и механизм взаимодействия. “Власть, – утверждает Н.И. Кареев, – есть отвлеченное понятие, существуют же только властвующие и подвластные, повелевающие и повинующиеся, приказывающие и исполняющие приказания, и власть являет бытие, пока и поскольку исполняются приказания ее носителей и представителей, пока и поскольку вообще повинуются ее велениям, т.е. происходит фактическое

пользование властью, а не простое обладание ее титулами»²².

Иными словами, государство и право – данность, имеющая первопричину своего бытия в феномене жизни и доступная наблюдателю только в качестве природной эмпирики. Такой подход имел двоякое следствие. С одной стороны, провозглашенный позитивизмом агностицизм стимулировал научное познание психологических механизмов, связанных с функционированием политико-правовых институтов. Но, с другой – мистифицировал феномен жизни, отнеся его первопричину к сфере иррационального. Психологическая социология права здесь была близка к философии жизни, берущей свое начало от Шеллинга, Шопенгауэра и Ницше и усматривавшей в феномене жизни иррациональное начало. Такой теоретической четкости русские социологи права, как правило, не демонстрировали, но общий вектор их исследований был направлен в сторону бессознательного. Это не значит, что ставилась задача постичь бессознательное (в этом случае они оказались бы на поле метафизики), но оперировать данной категорией и обращаться к его проявлениям им было необходимо. Эмоции, инстинкты, психические реакции – все это было феноменами жизни и имело глубоко иррациональные корни. Открытые психологические механизмы создавали некоторую научную картину, но их подлинная первопричина, стихия жизни оставалась неразгаданной.

Первой системной попыткой обращения к бессознательному стала эмоциональная социология Л.И. Петражицкого. При всем стремлении остаться на почве науки его теория эмоций в целом не выходит за рамки гипотезы. Концепция интуитивного права, систематизированная, детально разработанная, в значительной мере оригинальная, даже опирающаяся на какой-то эмпирический материал, должна все-таки приниматься на веру. Очевидных доказательств существования интуитивного права наука не предоставляет. Сторонник данной теории вынужден отталкиваться от положений, принимаемых в качестве аксиомы. Конечно, наличие психологической составляющей права и государства не вызывает сомнений; невозможно не согласиться с тем, что официальное право живет в самой гуще других социальных норм, от них зависит и ими пополняется; нельзя не признать разрыв между официальным правом и другими социальными нормами, но все это еще

не дает основания делать вывод о наличии некоего интуитивного права.

Вместе с тем гипотеза Л.И. Петражицкого об эмоциональной (т.е. иррациональной) природе права и государства представляется весьма плодотворной. Основоположник психологической школы права прав в том, что обыденное сознание связывает авторитет государства и права с неким внешним источником, расположенным вне субъекта. “Наивно-детское сознание”, по Петражицкому, ищет источник авторитета политико-правовых институтов не в себе самом, а во внешних объектах. Человек с наивно-реалистическим взглядом на мир не в состоянии предположить, что он сам своими переживаниями создает феномен авторитета, но вследствие интеллектуальной незрелости переносит их на внешний объект, наделяет его своими свойствами. Данный фетишизм рождает представление, что «наряду с нашим “я” имеется налицо еще какое-то другое существо, противостоящее нашему “я” и понуждающего его к известному поведению, какой-то таинственный голос обращается к нам»²³. Этические эмоции переживаются как внутренняя помеха для проявления своей свободы, воспринимаются как приказы или запреты. Благодаря такому механизму законам и власти начинают приписывать “высший мистический авторитет”. Чем больше лиц, готовых приписывать внешнему объекту (например, дряхлому и бессильному старцу) свои эмоциональные переживания, тем большей коллективной силой распоряжается властитель. Этические эмоции оказывают давление на философов и ученых, что выразилось в появлении таких понятий, как “объективный дух”, “народный дух”, “общая воля”, “инстинкт рода”. Так называемая реальность государства и права, представленная в виде отдельных эмпирических проявлений (парламент, армия, текст закона и т.п.), делает вывод Петражицкий, есть не что иное, как “эмоциональная фантазма”, фикция, подлинная реальность политико-правовых институтов – эмоциональное переживание человека²⁴.

Схожую мысль высказывал Н.М. Коркунов: “Все, от чего человек сознает себя зависимым, властвует над ним, все равно, имеет ли оно и даже может ли иметь волю. Для властвования нет необходимости, чтобы это сознание зависимости было реально. Не требуется даже, чтобы существовало то, идея о чем властвует над человеком. Для властвования требуется только сознание зависимости,

²² Кареев Н.И. Общие основы социологии. С. 42, 43.

²³ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 45, 46.

²⁴ См.: там же. С. 56, 173, 174.

а не реальность ее. Другими словами, власть есть сила, обусловленная не волею властвующего, а сознанием зависимости подвластного... Государственная власть — не чья-либо воля, а сила, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства”²⁵. Властью обладает любой, кто способен вызывать в людях сознание зависимости (знахарь и врач — перед больным, праведник — перед грешником и т.д.). На этом чувстве основаны патриотизм и готовность приносить жертвы, оно сплавливает людей в одно государство и служит его опорой”²⁶.

Оба юриста, вскрыв психологический механизм формирования авторитета власти и права, указали на бессознательное как его источник. Они убедительно показали, что авторитет государства и права есть проекция бессознательных, стихийно-эмоциональных свойств личности. Оставаясь на почве науки, они, тем не менее, апеллировали к бессознательному как подлинной основе государства и права. Правда, оба юриста полагали, что по мере расширения научного мировоззрения и просвещения масс сфера бессознательного будет сужаться, реалистический взгляд людей на государство будет усиливаться, а зависимость от него — ослабляться. “Власть государства, — утверждал Н.М. Коркунов, — простирается лишь настолько, насколько граждане сознают себя от него зависимыми. Поэтому всякое сознание личной или общественной свободы непременно обуславливает соответственное ограничение государственной власти”²⁷. Еще больший оптимизм высказывал Л.И. Петражицкий, возлагая просветительскую (и в этом смысле реформаторскую) функцию на свою политику права.

В такой позиции была, как представляется, только доля истины, так как практика XX в. доказала существование непреодолимого предела в деле ослабления зависимости от государства. В данном случае и Коркунов, и Петражицкий неоправданно переоценивали когнитивный механизм и недооценивали психологический. Конечно, сознание связано с психологией, влияет на перевод отдельных элементов бессознательного в сознание. Но ядро бессознательного неразложимо, оно всегда будет воспроизводить стереотипы власти и подчинения, а значит, поддерживать и укреплять чувство зависимости человека от государства. Общество и государство заинтересованы в том, чтобы стимулировать и бесконечно

воспроизводить данные психологические стереотипы.

Апелляция к бессознательному как основе права и государства заметно усиливается в учении Г.Д. Гурвича — ученика и выдающегося наследника идей Л.И. Петражицкого. Русско-французский юрист вводит понятие юридического опыта, имеющего дологическую, внерассудочную, бессознательную природу. Подчеркивается, что данный опыт возможен только в социальной группе, способной к организации, что предопределяет возможность существования прав и обязанностей, некоей системы норм. Для социологии права представляет интерес именно обыденный, наиболее архаичный пласт юридического опыта, а не рационализированный и осознанный (после процедуры редукции и инверсии): “Для того чтобы дойти до глубинного и порой завуалированного смысла реального правового поведения, социология права зачастую вынуждена добираться до предлогического переживания, до правовых верований, до актов интуитивного признания”²⁸. Юридический опыт конституируется актами признания (интуитивными по своей природе), которые и образуют непосредственное юридическое переживание. Последнее осуществляется на трех уровнях и в форме трех видов права: 1) формальное и организованное право; 2) живое право в форме интуитивного права и неорганизованного права; 3) нормативные факты, обладающие подлинной реальностью и потому основополагающие, наиболее глубокие и наиболее важные в юридическом переживании. Нормативные факты, существующие на грани сознания и бессознательного, есть первичная правовая реальность, именно на этом уровне формируется основа всей пирамиды права”²⁹.

Итак, бессознательное, по Гурвичу, есть та среда, где непосредственно переживается реальность права, происходит “взаимопроникновение идеального и чувственного, ценности и бытия, автономии и гетерономии, которые непосредственно воспринимаются в юридическом опыте и предшествуют любому суждению”³⁰. Поскольку нормативный факт занимает промежуточное положение между нормой (должным) и фактом (сущим), между духовным и чувственным опытом, между логикой и моралью, необходимо создать метод, учитывающий идеальное и эмпирическое,

²⁵ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 300.

²⁶ См.: там же. С. 300, 301.

²⁷ Там же. С. 320.

²⁸ Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб., 2004. С. 280, 281.

²⁹ См.: там же. С. 265–267.

³⁰ Там же. С. 264.

преодолевающий противопоставление нормативного и социологического подходов, метод идеал-реализма. Близкий к феноменологии, по утверждению Гурвича, данный метод действительно во многом был направлен на установление первичного, в известном смысле априорного знания о праве, но стремление познать чувственный, эмоциональный компонент права наполняло идеал-реалистический подход психологизмом, уводящим к иррационализму бессознательного.

Признание за политико-правовыми феноменами природной, биологической основы ориентировало социологов на исследование роли инстинктов и психофизических реакций. При всем стремлении подвести под исследование власти, государства и права естественнонаучный фундамент русские авторы не были склонны его гипертрофировать, преобладала позиция о взаимодействии природного и культурного начал. Так, Г.К. Гинс (ученик Л.И. Петражицкого) категорически утверждает, что происхождение и развитие права – проблема психологическая, а изучение психологических явлений следует начинать с исследования их биологических корней. При изучении поведения людей “нельзя не обращаться к изучению поведения животных, если представляется необходимость установить первоначальные, простейшие формы переживаний”³¹. У животных и людей есть одинаковые первобытные инстинкты (стремление собирать, хранить и защищать свое, властные отношения, чувство мести и страха перед смертью), но только в условиях человеческой культуры они способны трансформироваться в собственность, государство и право.

Согласно Н.С. Тимашеву в основе феномена власти лежат врожденные инстинкты, условные рефлексы и механизм торможения. В условиях человеческого коллектива властный инстинкт реализуется путем формирования условных рефлексов в форме приказов властвующего лица. Акты приказания становятся сигналами для проявления врожденного качества господства и подчинения. Приказ господствующего лица не просто вызывает у человека реакцию подчинения, но блокирует, тормозит у него все остальные мыслительные процессы. В этом смысле феномен власти схож с гипнозом: в обоих случаях используется механизм торможения, только при гипнозе степень торможения выше. Механизм торможения и система условных рефлексов делают властное взаимоотношение автоматическим, в чем заинтересованы

современные государства. Политические и военные ритуалы и церемониалы, речи перед сотнями тысяч людей, использование государственной символики – все направлено на поддержание стереотипов подчинения. Используется “политика престижа”: поскольку слабо исполняемые или неисполняемые приказы ведут к исчезновению рефлекса подчинения, власть всегда добивается исполнения своих приказов, даже если признает их нецелесообразными³². Таким образом, инстинкт власти перерастает в феномен государства благодаря воздействию не только биологических, но и социальных факторов.

На важную роль подражания в становлении и функционировании политико-правовых институтов указали Н.К. Михайловский и Г.К. Гинс. Они каждый по-своему попытались доказать, что в основе унификации и преемственности политико-правовых форм лежит механизм подражания³³. “Каждое вновь обнаруживающееся общественное наслоение, – рассуждал Н.К. Михайловский применительно к европейскому средневековью, – копирует своих предшественников, – оно, кроме того, регламентирует подражание, делает его обязательным и в самой организации своей, и в производстве, и во всем складе жизни. Ни ремесленник, ни рабочий не должен проявлять какую-нибудь оригинальность, какое-нибудь творчество в своей деятельности: они должны следовать раз установленным образцам в качественном и количественном отношении. Без конца повторяя друг друга, они повторяют себя и в делах своих, что достигается все более и более прочным установлением принципа наследственности занятий, прав и обязанностей... Средневековая регламентация отнюдь не была чем-то тяжелым или нестерпимо принудительным. Она только, так сказать, кодифицировала веления самой жизни”³⁴. Способы формирования и смены власти, механизм ее функционирования, становление юридической процедуры, придание ей стабильности и надежности действительно во многом определяется способностью больших масс людей перенимать чужой социальный опыт. На этом строится кумулятивное наращивание знаний, берущееся у предшествующих поколений или других народов. Конечно, единообразие институтов власти и права в решающей степени определя-

³² См.: Тимашев Н.С. Феномен власти // Тимашев Н.С. Методологические работы: 1920–1930 годы. М., 2010. С. 137–142.

³³ См.: Гинс Г.К. Указ. соч. С. 104, 105.

³⁴ Михайловский Н.К. Герои и толпа // Михайловский Н.К. Герои и толпа. Изб. тр. по социологии. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1998. С. 89.

³¹ Гинс Г.К. Право и культура. М., 2012. С. 46.

ется не столько стереотипами психофизических реакций, сколько ограниченным набором вариантов поведения человека в сфере производства, брачно-семейных и властных отношений. Умение перенимать социальный опыт – одно из условий выживания человечества, где механизм подражания занимает хотя и не центральное, но весьма заметное место.

Русские социологи предприняли попытку показать зависимость между психологическим восприятием государства и права и численностью социальных групп. Г.К. Гинс назвал это “законом интенсификации”, согласно которому эмоции усиливаются по мере роста численности людей: «Право как явление социальной психологии не минует этого закона. После того как достигнута унификация норм и однообразие их применения (обряды, шаблоны), право становится коллективным достоянием. Помимо “моего” права и “его” права, есть еще “наше” право, то есть сознание того, что определенный уклад совместной жизни основан на правилах, соблюдение которых должно встретить коллективную поддержку... Чем шире распространяется действие закона во времени и пространстве, чем сильнее сознание, что так поступает каждый римлянин, каждый иудей, каждый мусульманин, каждый фашист или наци, тем прочнее повиновение закону. Интенсификация переживаний проявляет свое действие в совместной жизни массы людей»³⁵.

Не только право, но и власть зависит от численности коллектива. Феномен власти, рассуждает Н.С. Тимашев, всегда предполагает три элемента: субъект, объект и отношение между ними. Простейшая модель власти, состоящая из одного властвующего и одного подвластного, рушится, если последний рвет это отношение. Но по мере увеличения количества подвластных отношение власти становится все более прочным, так как разрыв отношений между одним из подвластных с властвующим лицом автоматически не ведет к разрыву отношений с остальными подвластными. Лицо, стоящее внизу властной пирамиды, понимает такой механизм и потому воспринимает отношения между властью и другими подвластными в качестве объективной, подчиняющей его силы. В этом случае подвластный подчиняется уже не просто субъекту власти, а всей социальной группе, сама властная пирамида, вся целиком, подчиняет себе индивида³⁶.

Характеристика психологической социологии права была бы не полной, если не отметить влияния на нее европейского рационализма. При всем стремлении показать государство и право как природные явления, как психические феномены русские социологи демонстрируют вполне осознанную связь с рационалистической традицией. Хотя они и пытаются развивать свою аргументацию в естественнонаучном духе, оставаясь на почве эмпирики, метаюридическая цель их исследований, как правило, не выходила за рамки просветительской традиции. Ориентация на ценности эпохи Просвещения была многократно усилена сформулированной Сен-Симоном и Контом теорией прогресса, которой придерживались все социологи-позитивисты. Вера в прогресс в области нравственности и науки, политико-правовой и экономической жизни была частью их мировоззрения, сочетавшего в себе реалистический взгляд на мир с наивностью.

Показательный пример – политика права Л.И. Петражицкого, которая, с его точки зрения, есть наука о должном праве, о праве, каким оно должно быть. В этом смысле он жалеет об утрате естественным правом своих позиций и выступает за его возрождение. Задача права, утверждает русский юрист, способствовать нравственному прогрессу, двигаться к идеалу всеобщей любви³⁷. Очевидно, что Петражицкий пытается совместить несовместимые вещи: утопический социальный идеал, основанный на принципе любви, и реалистическое понимание права, основанное на психике человека, тесно связанной с его животной, неизменной природой. Психологическая социология права как никакая другая доказывает, что право не способно изменить природу человека, оно лишь фиксирует уровень развития общества, соответствующий материальным и духовным условиям его жизни. Резкое изменение этих условий (например, снижение материального уровня жизни) неизбежно ведет к обнажению животных свойств человеческой природы, эскалации агрессии, что влечет изменения в праве: оно ужесточается. Например, прогресс в сфере прав и свобод человека и политико-правовых институтов на Западе, зафиксированный уже в первых документах буржуазных революций, говорил не столько об изменении нравственной природы западного европейца, сколько об изменении внешних условий его жизни. Принципы свободы и равенства, положенные в основу буржуазного права, диктовались

³⁵ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 126, 127.

³⁶ См.: Тимашев Н.С. Феномен власти. С. 143, 144.

³⁷ См.: Петражицкий Л.И. Введение в науку политики права // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избр. тр. С. 10, 12, 33.

не требованиями гуманизма, а потребностью рыночной экономики. В XIX и XX вв. развитие буржуазной правовой культуры демонстрировало не нравственный прогресс, а стремление индивида к конформизму и автоматическому подчинению власти в обмен на стабильность, порядок, бытовой комфорт и материальное благополучие (об этом много писали европейские философы-экзистенциалисты).

Русские социологи права, обращаясь к человеческой психике, должны были выяснять роль сознания как ее составной части. В понимании сознания они, как правило, стояли на идеалистических позициях, признавая существование неких априорных нравственных и логических императивов. Так, следует признать известную правоту за Г.Д. Гурвичем, который утверждал: «Доктрина нормативных и автономных эмоций Петражицкого логически приводит к теории эмоциональной интуиции ценностей, развитой впоследствии с таким фурором немецким мыслителем Максом Шелером в соответствии с принципами феноменологической философии»³⁸. Действительно, Петражицкий исходил из постулата, что в основе интуитивного права лежат некие аксиомы – наиболее очевидные запреты, выступающие в качестве базовых ценностных ориентиров и основой

любого другого вида права³⁹. Здесь помимо психологии он опирается на концепцию нормативного ценностного сознания, что было навеяно кантианством и традиционной школой естественного права. Сам Гурвич, развивая идею своего учителя о нормативном факте, видел в последнем наличие двух составляющих – нормы и факта. Норма, отнесенная им к сфере должного, содержала в себе идею справедливости, что поднимало право с уровня эмоционального переживания (т.е. с природного, по своей сути) до социокультурного, т.е. собственно человеческого феномена. Нормативный факт, переставая быть актом только психики, становился еще и актом нравственного сознания⁴⁰.

Психолого-социологическая школа права, возникшая в России на рубеже XIX–XX вв., не только не устарела в своих базовых положениях, но, напротив, может служить основой для современной исследовательской работы. Классика ценна именно тем, что не устаревают, но при каждом новом прочтении дает импульс научному творчеству.

³⁹ См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 484, 485.

⁴⁰ См.: *Гурвич Г.Д.* Идея социального права // *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права. Избр. соч. С. 126.

³⁸ *Гурвич Г.Д.* Указ. соч. С. 344.